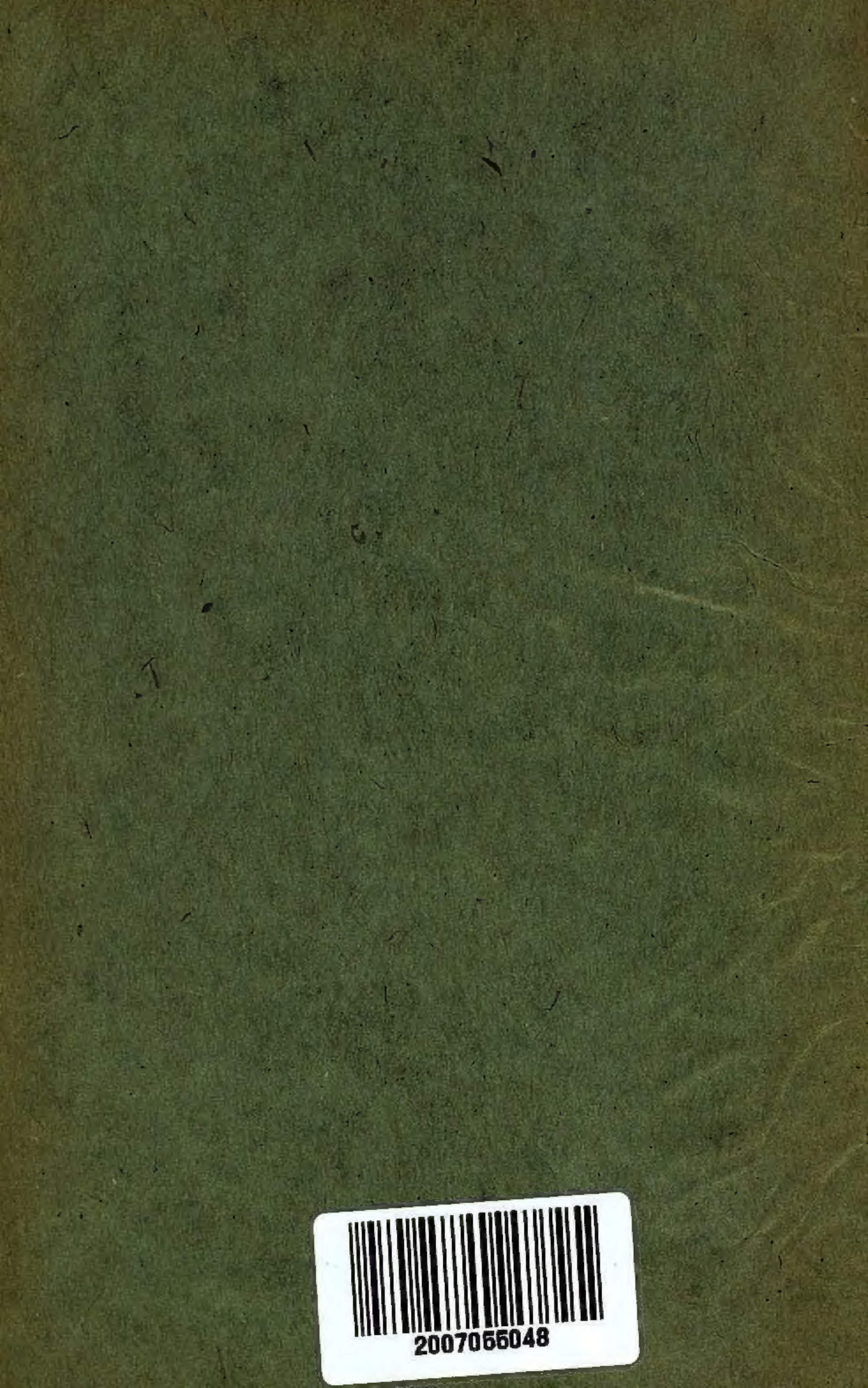
Радин
партии
и формы
госуд.
строя
А 219/551



2007055048

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

Б. Радинъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ
И ФОРМЫ
ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1905.

I.

Было время, когда у насъ въ Россіи народъ очень мало интересовался политическими вопросами. Онъ молча переносилъ все то, что непривѣтливая жизнь ему подносила; онъ безропотно подчинялся всѣмъ требованіямъ власть имущихъ, утѣшая себя тѣмъ, что на томъ свѣтѣ все сторицей вознаградится. Многовѣковая неволя, почти поголовное невѣжество, страшная безвыходная бѣднота—все уничтожало въ немъ духъ живой, заглушало всякія стремленія къ лучшей жизни. Понятно, что въ то время большого интереса у народа къ общественнымъ вопросамъ не могло быть. Это прошлое уже давно и при томъ безвозвратно кануло въ вѣчность. Широкіе слои населенія теперь проснулись къ сознательной жизни и стараются самостоятельно разобраться въ сложныхъ вопросахъ, видвигаемыхъ переживаемымъ историческимъ моментомъ. Они уже группируются вокругъ различныхъ политическихъ партій для совмѣстнаго отстаиванія своихъ интересовъ. Но дѣло это не особенно легкое. Чтобы сознательно и правильно выбрать партію, которая дѣйствительно отстаиваетъ интересы того класса, къ которому принадлежитъ примыкающій, нужно въ точности знать, чего требуютъ эти партіи, каковы ближайшія задачи и ко-

нечныя цѣли. Надо въ точности знать, на какіе слои населенія разсчитываетъ данная партія, когда ставитъ себѣ тѣ или иныя задачи, и интересы какихъ классовъ она отстаиваетъ въ своей борьбѣ. Политическія партіи, особенно буржуазныя, часто прикрываются красивыми фразами и ярлыками, нарочно выставляютъ кричащія приманки, для завлеченія малосознательныхъ лицъ въ свою среду и имъ нерѣдко удается это сдѣлать, особенно съ народными низами. Каждая изъ партій заинтересована, чтобы въ ея составъ входило возможно больше лицъ. А такъ какъ большинство населенія составляютъ трудящіеся классы, то естественно, что съ ними онѣ особенно заигрываютъ, надѣясь на ихъ невѣжство. Очень часто онѣ выставляютъ на своемъ знамени популярныя въ массѣ требованія, но только для того, чтобы при первой возможности измѣнить и этому своему знамени и этимъ своимъ обѣщаніямъ. Иначе поступить буржуазныя партіи и не могутъ. Вѣдь имущіе классы составляютъ ничтожный процентъ населенія; отдѣльно взятые и организованные самостоятельно они не представятъ никакой внушительной силы, способной повліять на судьбы страны. Вся сила ихъ заключается въ томъ, что отъ нихъ въ зависимости находятся милліоны рабочихъ, городской и деревенской бѣдноты, которые, благодаря своей малой сознательности и организованности, подчиняются всѣмъ его требованіямъ. Наконецъ, въ распоряженіи имущихъ классовъ находится наука, образованіе, большій политическій опытъ, благодаря которымъ имъ легко провести полуграмотнаго рабочаго или неграмотнаго крестьянина. Вездѣ въ Европѣ они широко пользовались и продолжаютъ пользоваться этими своими преимуществами. Совсѣмъ иначе

обстоитъ дѣло съ тѣми партіями, которыя своей задачей ставятъ защиту интересовъ низовъ народа, интересовъ неимущихъ, интересовъ пролетаріата. Имъ некого обманывать, имъ нѣтъ нужды прикрываться одеждой друзей народа, чтобы зазвать въ свои ряды много приверженцевъ. Они не заинтересованы въ невѣжествѣ и малой сознательности народныхъ низовъ, наоборотъ, въ ихъ интересахъ возможно широкое развитіе политическихъ знаній въ народѣ, возможно большее развитіе въ немъ самостоятельности и самодѣятельности. Въ противовѣсъ буржуазнымъ партіямъ, старающимся доказать, что они выражаютъ интересы всей націи, всего народа, рабочая партія постоянно указываетъ, что общихъ интересовъ всѣхъ классовъ населенія не существуетъ, что интересы капиталистовъ и рабочихъ, землевладѣльцевъ и деревенской бѣдноты рѣзко противоположны и защищаться одной партіей ни въ коемъ случаѣ не могутъ, что всѣ эти разговоры краснорѣчивыхъ буржуа—одни только фальшивые слова и красивыя фразы въ цѣляхъ отвлеченія рабочаго класса отъ единственнаго вѣрнаго пути—организаціи въ самостоятельную политическую партію.

Понятно, что при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ политической жизни, каждая изъ партій даетъ на нихъ *свой* отвѣтъ, въ зависимости отъ реальныхъ интересовъ того класса, который она представляетъ въ своей дѣятельности. Но при этомъ каждая изъ нихъ старается доказать, что только она одна выражаетъ дѣйствительные нужды народа и даетъ наиболѣе отвѣчающее этимъ нуждамъ разрѣшеніе вопроса. Вѣрить на слово этимъ увѣреніямъ, конечно, нельзя. Надо каждый разъ подробно разобрать, дѣйствительно ли такое, а не другое требова-

ніе, такая, а не иная программа отвѣчаетъ интересамъ трудящагося народа. Въ этой брошюркѣ мы остановимся на одномъ, весьма важномъ вопросѣ, на который различныя партіи даютъ различные отвѣты. Посмотримъ, кто изъ нихъ правъ, кто даетъ наиболѣе отвѣчающій интересамъ широкихъ слоевъ народа отвѣтъ. Вопросъ этотъ слѣдующій: какія формы государственной жизни являются наилучшими, за какія основы государственнаго устройства надо бороться. Консервативная партія, состоящая изъ чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, отстаиваетъ абсолютную монархію, какъ единственную форму, отвѣчающую исконнымъ началамъ русской жизни и вытекающимъ изъ всего духовнаго склада русскаго народа. Либеральная партія всѣхъ оттѣнковъ, состоящая изъ сторонниковъ имущихъ классовъ, промышленной и сельской буржуазіи, утверждаетъ, что наиболѣе цѣлесообразной формой правленія является конституціонная монархія, т. е. монархія, ограниченная народнымъ представительствомъ. Рабочая партія съ своей стороны заявляетъ, что въ интересахъ широкихъ слоевъ трудящагося народа нужно добиваться такого политическаго строя, при которомъ вся власть въ государствѣ находилась бы безраздѣльно въ рукахъ всего народа— такимъ строемъ является демократическая республика. Чтобы разобраться, кто изъ нихъ правъ, посмотримъ поближе, что изъ себя представляетъ каждая изъ перечисленныхъ формъ правленія и чьи интересы при каждой изъ нихъ наилучше могутъ быть защищены.

II.

Абсолютной монархіей называется такой государственный строй, при которомъ вся власть сосредоточена въ рукахъ наслѣдственнаго монарха. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ эта форма правленія господствовала во всѣхъ государствахъ Европы, но послѣ революціонныхъ бурь конца XVIII вѣка, первой половинѣ XIX, она осталась только въ Россіи и Турціи. Въ абсолютныхъ монархіяхъ государство и личность монарха сливаются въ одно, онъ одинъ выступаетъ отъ имени всей націи, неограниченно распоряжается ея судьбами, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, издаетъ законы, назначаетъ налоги и т. д. и т. д. И законодательная и исполнительная власть исходитъ отъ него одного. Онъ не обязанъ считаться ни съ чьимъ мнѣніемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, его воля является закономъ для всѣхъ подданныхъ. Конечно, монархъ можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ (или, если захочетъ, постоянно) спросить мнѣніе тѣхъ или иныхъ слоевъ населенія, но никто его не можетъ обязать согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Конечно, ни одинъ монархъ не въ состояніи самостоятельно рѣшать всѣ безчисленные вопросы современной государственной жизни. Въ старые времена, когда не было такихъ большихъ, какъ теперь государствъ, когда отдѣльныя племена существовали самостоятельно и обособленно, князь или какой вождь племени могъ самъ лично вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Онъ и управлялъ, и судилъ, и обучалъ военному искусству, онъ

же былъ главнымъ вождемъ во время войнъ съ сосѣдними племенами. Въ теперешнихъ государствахъ, гдѣ на громадномъ пространствѣ живутъ десятки милліоновъ жителей, это сдѣлать, конечно, невозможно. Монархъ поручаетъ непосредственное исполненіе своей воли ближайшимъ чиновникамъ, которые фактически и управляютъ страной. Такъ, напримѣръ, для изданія законовъ у насъ въ Россіи изъ старѣйшихъ чиновниковъ составляется Государственный Совѣтъ. Члены этого Совѣта назначаются монархомъ. Они обсуждаютъ проекты всѣхъ законовъ, разсматриваютъ смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ и представляютъ на утвержденіе Императора. Никакого обязательнаго характера ихъ рѣшенія не имѣютъ, такъ какъ императоръ можетъ не согласиться съ ихъ мнѣніемъ и тогда законопроэктъ не становится закономъ. На дѣлѣ, конечно, монархъ соглашается съ мнѣніемъ законодательнаго учрежденія изъ чиновниковъ, такъ какъ онъ не въ состояніи разобраться единолично во всѣхъ деталяхъ издаваемыхъ законовъ, не въ состояніи самолично разсмотрѣть всѣхъ предлагаемыхъ проектовъ. Монарху остается только подписывать. Такимъ образомъ самодержавіе монарха превращается непремѣнно въ самовластіе чиновниковъ. Особенно это самовластіе чиновниковъ проявляется въ области исполнительной власти. Вѣдь монархъ кромѣ изданія законовъ долженъ позаботиться и объ ихъ исполненіи. Во главу исполнительной власти онъ назначаетъ министровъ и другихъ чиновниковъ, обязанныхъ управлять на основаніи утвержденныхъ имъ законовъ. Министры эти назначаютъ болѣе низшихъ чиновниковъ, тѣ еще болѣе низшихъ и т. д.; образуется цѣлая армія чиновниковъ, получившихъ свою власть отъ монарха

и действующихъ отъ его имени. Эта армія чиновниковъ называется бюрократіей. Самолично контролировать этихъ чиновниковъ монархъ не можетъ, для этого онъ долженъ назначить новыхъ чиновниковъ, наблюдающихъ за первыми и такъ безъ конца. На самомъ дѣлѣ, конечно, никакого контроля не получается и каждый изъ чиновъ дѣлаетъ все, что ему придетъ въ голову. Если кто-нибудь изъ этихъ чиновниковъ нарушаетъ законъ, то правосудія надо искать у чиновниковъ же, такъ какъ и судебная власть при абсолютизмѣ находится въ ихъ рукахъ. Словомъ, при абсолютной монархіи чиновникъ является всѣмъ: онъ пишетъ законы, онъ проводитъ ихъ въ жизнь, онъ не наказываетъ за нарушеніе этихъ изданныхъ имъ законовъ. Такой строй непремѣнно долженъ превратиться во всевластіе бюрократіи и на самомъ дѣлѣ онъ вездѣ и превращается.

Что же касается правъ народа, то при абсолютной монархіи о нихъ и говорить не приходится. Кромѣ того, что народъ отстраняется совершенно отъ участія въ рѣшеніи своихъ судебъ, т. е. въ законодательствѣ и управленіи, онъ при абсолютизмѣ не пользуется и такими элементарными гражданскими правами, какъ свобода слова, печати, собраній союзовъ, неприкосновенности личности и т. д. Да это и понятно! Вѣдь, если бы существовала свобода печати и слова, то разоблачилось бы самоуправство чиновниковъ, непремѣнно раскрывали бы передъ всѣми всю негодность господства бюрократіи, открыто проповѣдовалась бы необходимость лучшей жизни, а все это привело бы въ концѣ концовъ къ уничтоженію безконтрольной власти чиновниковъ. Если бы у народа была возможность свободно собираться для обсужденія своихъ нуждъ и соеди-

нятся во всякіе союзы, вскорѣ вся страна покрылась бы густой сѣтью такихъ союзовъ, ставящихъ цѣлью улучшеніе положенія народа, а слѣдовательно, прежде всего уничтоженіе безконтрольнаго хозяйничанья большихъ и малыхъ чинушъ на его счетъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ другими видами свободъ. Бюрократія это хорошо знаетъ и потому всѣми солами борется противъ всякихъ попытокъ со стороны народа расширить свои права.

Въ чьихъ же интересахъ такой политическй строй? Кромѣ самого главы государства, который, понятно, заинтересованъ въ сохраненіи всей власти въ своихъ рукахъ, въ безконтрольномъ распоряженіи судьбами страны, чиновничество, бюрократія прежде всего являются сторонниками абсолютизма. Какъ выше уже было сказано, они при немъ фактически являются хозяевами страны, безнаказанно дѣлаютъ все, что имъ вздумается, безпрепятственно тратятъ народныя деньги, систематически расхищаютъ казну, словомъ, чувствуютъ себя господами положенія. При абсолютизмѣ они — начальники, всевластные, всемогучіе, а народъ—обыватели, забитые, невѣжественные, рабски приниженные. Кому же охота лишиться такого привеллигированнаго положенія?

Сторонниками абсолютизма являются также крупные землевладѣльцы дворяне, крупные финансисты и другіе подобные господа, которымъ при всякомъ строѣ, особенно приказномъ, будетъ житься хорошо. Они въ своихъ рукахъ держатъ этихъ самыхъ всевластныхъ чиновниковъ. Путемъ взятокъ они заставляютъ ихъ дѣлать все, что имъ желательно. Они на выгодныхъ условіяхъ даютъ свои деньги въ займы казнѣ, получаютъ разрѣшенія на разорительныя для страны, но доходныя для нихъ предпріятія, втяги-

ваютъ государство въ выгодныя для себя авантюры (вродѣ корейскихъ концессій, кончившихся разорительной и позорной войной). они берутъ казенные подряды, выполняя ихъ подъ присмотромъ чиновниковъ, заранѣе подкупленныхъ и т. д. Конечно, для такихъ господъ выгодно сохраненіе всевластіе бюрократіи и они вмѣстѣ съ послѣдней стремятся во что бы то ни стало сохранить существующій режимъ. Понятно, что въ итогѣ такого правленія является полное разореніе страны, господство произвола и насилія, отсутствіе увѣренности гражданъ въ завтрашнемъ днѣ, полный застой во всѣхъ дѣлахъ, забвеніе самыхъ элементарныхъ нуждъ населенія, подавленіе въ немъ всякихъ проблесковъ самодѣятельности. Отъ этого, конечно, прежде всего страдаютъ бѣднѣйшіе классы населенія, такъ какъ богатый и имущій всегда сумѣетъ кое какъ устроиться и добиться того, чтобы его нужды были удовлетворены, чтобы государство помогало ему возможно лучше эксплоатировать рабочихъ и обогащаться на его счетъ. Лишая народъ всѣхъ политическихъ правъ, помогая имущимъ классамъ высасывать изъ рабочихъ всѣ соки, абсолютизмъ не даетъ возможности послѣднимъ отстаивать свои права, жестохо наказывая всякую попытку съ ихъ стороны организоваться для веденія своей классовой борьбы. Такой строй, конечно, не въ интересахъ народныхъ низовъ и рабочій классъ рѣшительно долженъ бороться противъ него.

III.

Конституціонная монархія является одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ государственнаго устройства въ западной Европѣ. Она переходная

ступень отъ абсолютизма (отрицаніе принципа народовластія) къ демократической республикѣ (полное народовластіе). Государственная власть здѣсь дѣлится между монархомъ и народнымъ представительствомъ. Какая часть власти остается у перваго и какая переходитъ къ народу зависитъ отъ того, насколько успѣшна была борьба народа за политическое освобожденіе. Такъ, напримѣръ, въ Германіи и Австріи императоры сохранили за собой такую власть, что часто дѣйствуютъ безъ вѣдома народныхъ представителей или даже вопреки ихъ желанію, въ то время какъ въ Англіи, Бельгіи, гдѣ также конституціонная форма правленія, главная власть сосредоточена въ рукахъ парламента, а король только послушно подписываетъ то, что ему предлагаютъ. Говоря о конституціонной монархіи мы не будемъ касаться того, въ какой формѣ она проявляется въ каждой отдѣльной странѣ, а остановимся только на однихъ признакахъ, свойственныхъ этой формѣ правленія.

Во всякомъ государствѣ власть расчленяется на три разновидности: законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная власть, какъ показываетъ само названіе, заключается въ установленіи обязательныхъ для всего населенія и всѣхъ государственныхъ учрежденій правилъ, законовъ. Въ чьихъ рукахъ находится законодательная власть, тотъ въ сущности и рѣшаетъ судьбы страны, такъ какъ тотъ устанавливаетъ права и обязанности отдѣльныхъ лицъ или классовъ населенія, назначаетъ налоги, распредѣляетъ доходы, опредѣляетъ предѣлы власти чиновниковъ и т. д. Но недостаточно писать законы, ихъ надо еще и исполнять. Власть проводящая въ жизнь законы, наблюдающая за точнымъ ихъ исполненіемъ называется исполнительной. Эта

власть должна быть рѣзко отграничена отъ законодательной. Ни въ коемъ случаѣ нельзя давать однимъ и тѣмъ же лицамъ, напр., назначить налоги и ихъ собрать. Сборщикъ податей является только исполнителемъ воли законодателя и ни въ коемъ случаѣ мѣнять или даже самовольно толковать эту волю не можетъ. Въ абсолютной монархіи, гдѣ и законодательная и исполнительная власть сосредотачиваются въ рукахъ монарха, а на самомъ дѣлѣ находятся въ рукахъ чиновниковъ, эти послѣдніе при первомъ неудобствѣ, встрѣченномъ ими при исполненіи того или иного закона, мѣняютъ его, или толкуя его произвольно или просто уничтожая его какимъ нибудь циркулярнымъ распоряженіемъ. Исполнительная власть должна всецѣло подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ нормамъ, установленіямъ власти законодательной. Совсѣмъ особо должна стоять влассь судебная, власть карающая за неисполненіе законовъ. Она должна быть совершенно независима пользоваться достаточнымъ авторитетомъ въ глазахъ населенія. Въ странахъ демократическихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ народъ самъ рѣшаетъ всѣ государственныя дѣла, всѣ эти три разновидности власти исходятъ отъ одного источника отъ народа и различаются только тѣмъ, что осуществляются различными группами лицъ. Законодательство находится или въ рукахъ народа непосредственно или въ рукахъ его представителей въ парламентѣ, исполнительная власть въ рукахъ отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства изъ его среды имъ назначаемаго, а судебная въ рукахъ независимаго суда присяжныхъ изъ народа.

Посмотримъ, какъ распредѣляются эти власти въ конституціонныхъ монархіяхъ. Прежде всего обра-

тимся къ законодательной власти. По смыслу всѣхъ конституцій всякій законопроектъ становится закономъ только тогда, когда его приметъ законодательное собраніе изъ народныхъ представителей (парламентъ) и когда его подпишетъ монархъ. Это значитъ, что если народные представители признали необходимымъ измѣнить какой-нибудь старый законъ, уничтожить налогъ, увеличить права тѣхъ или иныхъ слоевъ населенія и т. д. а монархъ съ ними не согласенъ, то все остается по старому. Голосъ монарха приравнивается голосу всего народа и вся законодательная власть дѣлится на двѣ части: половина передается народу, а другая половина остается у монарха. Но во многихъ странахъ кромѣ палаты народныхъ представителей существуетъ еще вторая палата, состоящая изъ имущихъ классовъ: потомственныхъ дворянъ, капиталистовъ и помѣщиковъ. Эта вторая палата имѣетъ ту же власть, какъ и первая, т. е. безъ ея согласія не можетъ быть принятъ ни одинъ законъ. Такимъ образомъ власть дѣлится уже не на двѣ части, а на три: 1/3 монарху, треть имущимъ классамъ и только треть всему народу (гдѣ представлены и имущіе классы). При этихъ условіяхъ вліяніе народа на законадательство конечно очень слабо, въ то время, какъ вліяніе монарха и имущихъ классовъ сильно. Если принять еще во вниманіе, что правительство и имущіе классы въ большинствѣ случаевъ живутъ въ большой дружбѣ, то станетъ понятнымъ, что при подобномъ строѣ фактически законы будутъ издаваться не народомъ, а тѣми, которые меньше всего могутъ представлять его интересы — союзомъ короны съ буржуазіей. Въ нѣкоторыхъ конституціонныхъ странахъ имущіе классы идутъ еще дальше: они добились того, что палата

народныхъ представителей выбирается не всѣмъ народомъ, па основанiи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, а только тѣми, кто обладаетъ имущественнымъ цензомъ, т. е. опредѣленнаго размѣра собственностью. Это ведетъ къ тому что въ подобныхъ странахъ и нижняя палата (такъ обыкновенно называется палата народныхъ представителей) состоитъ исключительно изъ представителей имущихъ классовъ. На такомъ началѣ построены выборы въ нашу Государственную Думу: туда могутъ посылать представителей только домовладѣльцы, купцы фабриканты, богатые квартиранты и крестьянскіе волостные сходы, составляемые изъ домохозяевъ, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. Совершенно лишены права участія (и то еще въ такомъ никакихъ правъ не имѣющемъ „законосовѣщательномъ" учрежденiи, какъ наша Дума) всѣ фабричные и сельскіе рабочіе, большая часть городской мелкой буржуазiи, вся трудящаяся, близко стоящая къ народу интеллигенція, какъ то земскіе учителя, врачи, статистики и т. д. всѣ совершеннолѣтніе крестьяне, не имѣющіе собственныхъ дворовъ, $_9/_{10}$ крестьянъ домохозяевъ и многіе другіе. Понятно, что такая Дума будетъ выражать только интересы имущихъ классовъ. Выборы въ Австріи и Пруссіи построены на такихъ началахъ, что ничтожное меньшинство народъ посылаетъ столько же депутатовъ, сколько и громадное большинство. Такъ напр. въ Пруссіи населеніе дѣлится на группы: въ первой только 4% населенія, изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ лицъ, во второй 12% изъ просто богатыхъ лицъ, наконецъ въ третьей 84% остального населенія. Каждая изъ этихъ группъ посылаетъ одинаковое число представителей въ ландтагъ (такъ называется въ Пруссіи

парламентъ). Такая же система господствуетъ въ Саксоніи, въ Румыніи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Независимо даже отъ того, какимъ образомъ создается народное представительство, при конституціонныхъ монархіяхъ, особенно когда существуетъ вторая палата (а она почти вездѣ существуетъ). Народу принадлежитъ только треть законодательной власти, въ то время какъ остальная власть сосредоточена въ рукахъ монарха и буржуазіи.

Но въ конституціонныхъ странахъ очень часто монархъ, опираясь на фактическую силу (въ его рукахъ войско, весь бюрократическій механизмъ) и на то, что онъ является верховнымъ главою государства, совершенно самовольно разрѣшаетъ тѣ вопросы, на которые онъ не надѣется получить въ желательномъ для его правительства смыслѣ отвѣтъ отъ парламена. Всякіе такіе шаги конечно истолковываются „крайнѣй нуждой", „исключительными обстоятельствами" и т. д. Въ Австріи, напр., существуетъ параграфъ конституціи (14), который гласитъ, что въ случаяхъ крайнѣй необходимости, когда нужно издать распоряженія, на которые требуется согласіе парламента, а парламентъ въ это время не засѣдаетъ, императоръ имѣетъ право издать указъ, подъ отвѣтственностью министерства, если только такимъ указомъ не измѣняются основныя положенія конституціи, не обременяется надолго государственная казна, не отчуждается государственное достояніе. А такъ какъ императору принадлежитъ право созывать и въ любой моментъ распускать парламентъ, то онъ въ случаяхъ, когда трудно получить разрѣшеніе народныхъ представителей на желательное ему законодательное распоряженіе, можетъ распустить ихъ и экстреннымъ указомъ достигнуть того, чего нельзя было достигнуть

черезъ парламентъ. Въ практикѣ Австріи правительство очень часто прибѣгало къ этому средству и фактически сводило на нѣтъ во многихъ вопросахъ права народныхъ представителей. Существованіе двухъ источниковъ власти всегда будетъ приводить къ подобному нарушенію правъ одной стороны другой, а такъ какъ въ конституціонныхъ странахъ въ рукахъ монарха войско и армія чиновниковъ, его поддерживаютъ имущіе классы, то понятно, что сила на его сторонѣ, а не на сторонѣ народа. Конечно, народъ въ конституціонной монархіи имѣетъ больше правъ, чѣмъ при абсолютизмѣ, но эти права очень ограничены и отъ нихъ до полнаго народовластія очень и очень далеко.

Въ конституціонныхъ государствахъ исполнительная власть всецѣло находится въ рукахъ монарха. Онъ назначаетъ министровъ, отъ него же зависитъ ихъ увольненіе. Правда, эти министры отвѣтственны передъ народными представителями, но часто отвѣтственность эта ограничивается только тѣмъ, что они даютъ отвѣты на вопросы, дѣлаемые имъ въ парламентѣ. Такъ, напримѣръ, въ Германіи имперскій канцлеръ и министры назначаются императоромъ и ни въ коемъ случаѣ не обязаны подать въ отставку или быть уволены, если рейхстагъ выразитъ имъ недовѣріе. Въ Англіи дѣло обстоитъ иначе. Тамъ народъ добился такого порядка, при которомъ министерство должно быть составлено изъ депутатовъ той партіи, которая въ парламентѣ имѣетъ за собой большинство и никакое министерство не можетъ продержаться у власти, если парламентъ ему не довѣряетъ. Но вообще про Англію приходится сказать, что тамъ только по названію существуетъ король, фактически онъ никакой властью не обладаетъ и

всецѣло зависитъ отъ парламента. Если бы въ одно утро Англія проснулась безъ короля, то никто этого, вѣроятно, не замѣтилъ бы, за исключеніемъ можетъ быть, придворныхъ церемоніймейстеровъ. Говоря объ организаціи исполнительной власти въ конституціонныхъ монархіяхъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя останавливаться на теперешнихъ англійскихъ порядкахъ. Въ большинствѣ конституціонныхъ странъ, монархъ, какъ глава исполнительной власти, фактически почти независимъ отъ народнаго представительства и часто, опираясь на администрацію и войско (которое всецѣло находится въ его рукахъ), идетъ противъ воли парламента. Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, въ объявленіи войны, заключеніи мира, европейскія конституціи оставляютъ за монархомъ полную свободу дѣйствій, оставляя за парламентомъ право только соглашаться или не соглашаться на отпускъ средствъ изъ государственной казны. Но и это право часто попирается монархомъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ.

Что касается организаціи судебной власти, то и здѣсь отражается промежуточный характеръ разсматриваемой формы правленія. Частичному народовластію отвѣчаетъ и частичный народный судъ. Судъ присяжныхъ здѣсь встрѣчается рядомъ съ короннымъ судомъ, составленнымъ изъ чиновниковъ, назначаемыхъ монархомъ. Это, конечно, вліяетъ на весь ходъ правосудія, собенно въ такихъ случаяхъ, когда происходитъ столкновеніе между народомъ и агентами правительства. Истинно народный, совершенно независимый, судъ можетъ быть только въ такомъ государствѣ, гдѣ единственнымъ источникомъ власти является самъ народъ.

Въ чьихъ интересахъ такой политическій строй?

Почему либеральная буржуазія такъ цѣпляется за него? Вотъ вопросы, на которые намъ еще надо отвѣтить. Буржуазіи нуженъ такой государственный строй, при которомъ у нея было бы возможно больше вліянія на всѣ дѣла, а у ея заклятаго врага пролетаріата возможно меньше. Кромѣ того буржуазіи нужно, чтобы въ ея распоряженіи всегда была сила, способная подавить всякія посягательства со стороны пролетаріата на святая святыхъ существующаго общественнаго строя—свободу эксплоатацін наемнаго труда, частную собственность, на орудія производства и т. д. Конституціонная монархія какъ разъ отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. Благодаря двухпалатной системѣ и цензовымъ выборамъ буржуазіи обезпечивается безусловное вліяніе на законодательство. Монархъ западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ, не имѣющій столько власти, чтобы стать тираномъ и дѣйствовать вопреки волѣ имущихъ классовъ, но имѣющій достаточно силы, чтобы въ случаѣ столкновенія между буржуазіей и рабочимъ классомъ подавить всякія революціонныя стремленія послѣдняго-какъ разъ и есть тотъ предохранительный клапанъ, которымъ буржуазія надѣется спастись отъ натиска организованнаго пролетаріата.

IV.

Во Франціи, Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ мы встрѣчаемся съ, правда недостаточно развитой, третьей формѣ правленія—республикой, которая является такой формой государственнаго устройства, при которомъ наиболѣе по-

слѣдовательно проведенъ принципъ народовластія. При дальнѣйшемъ развитіи этой новой формы народъ законадательствуетъ, народъ управляетъ, народъ судитъ. Отъ него одного исходитъ всякая власть, онъ одинъ является хозяиномъ стражи. Въ противовѣсъ всякимъ видамъ монархіи здѣсь совершенно отсутствуетъ власть, находящаяся въ наслѣдственномъ пользованіи какой-нибудь династіи, здѣсь не можетъ быть власти, не имѣщей источникомъ волю народа. Правда, почти во всѣхъ республикахъ народъ поручаетъ черезъ своихъ выборныхъ представительство націи одному изъ своихъ согражданъ— президенту, но власть этого президента не имѣетъ ничего общаго съ властью монарха. Онъ назначается только на опредѣленный срокъ и можетъ быть смѣщенъ и преданъ суду (какъ теперь во Франціи за государственную измѣну) по постановленію народныхъ представителей. При изданіи законовъ онъ никакой власти не имѣетъ и во всемъ исполняетъ только волю парламента. Считаясь главой исполнительной власти, онъ во многихъ мѣстахъ только ограничивается назначеніемъ министровъ изъ парламентскаго большинства и опубликованіемъ принятыхъ народомъ непосредственно или черезъ выборныхъ законовъ. Только въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ президентъ является дѣйствительнымъ главой исполнительной власти и при назначеніи министерствъ совершенно независимъ, что несомнѣнно сильно ограничиваетъ права и волю народа; но это является исключеніемъ. Президенты Франціи и Швейцаріи такой независимостью не пользуются.

Какимъ же образомъ народъ-самодержецъ осуществляетъ свои права? Начнемъ съ законодатель-

ства: Законы республики издаются народомъ или непосредственно или черезъ представителей, образующихъ парламентъ. Въ первомъ случаѣ весь народъ голосуетъ за или противъ предлагаемаго проэкта и если проэктъ собираетъ большинство голосовъ, то онъ становится закономъ. Въ противномъ случаѣ онъ отвергается. Прежде чѣмъ какой-нибудь законопроектъ подвергаютъ голосованію, онъ долго обсуждается въ газетахъ и на всевозможныхъ собраніяхъ, такъ что весь народъ подробно знакомится съ мнѣніями его защитниковъ и противниковъ. Такая форма голосованія называется референдумомъ. Референдуму подвергаются или всѣ новые законы или только нѣкоторые, по требованію опредѣленнаго числа гражданъ или законодательнаго собранія. Референдумъ пока сравнительно рѣдко встрѣчающаяся форма народнаго законодательства, она получила широкое распространеніе пока только въ Швейцаріи.

Но какъ бы ни распространился референдумъ, какъ наиболѣе совершенная форма прямого народнаго законодательства, онъ замѣнить парламента не можетъ. Жизнь выдвигаетъ столько новыхъ и сложныхъ вопросовъ, что рѣшать всѣ ихъ непосредственнымъ голосованіемъ всего народа невозможно. Это очень затянуло бы законодательство и во многихъ случаяхъ затруднило бы полученіе опредѣленнаго отвѣта. Въ демократической республикѣ парламентъ выбирается на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, т. е. всякій гражданинъ, достигшій совершеннолѣтія, независимо отъ вѣроисповѣданія, имущественнаго или образовательнаго состоянія имѣетъ право голоса при выборахъ депутатовъ; эти депутаты выбираются на-

родомъ непосредственно, а не черезъ выборщиковъ (какъ, напримѣръ, въ нашу Государственную Думу), причемъ для устраненія давленія съ чьей бы то ни было стороны обезпечивается полная тайна при подачѣ голосовъ. Въ существующихъ теперь республикахъ нигдѣ (за исключеніемъ Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ Американскихъ Штатовъ) начало всеобщности выборовъ не проведено послѣдовательно, такъ, напримѣръ, въ парламентъ во Франціи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и въ Швейцаріи всѣ женщины лишены избирательнаго права, во Франціи не имѣютъ права голоса тѣ, кто не жилъ на опредѣленномъ мѣстѣ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, предшествующіе выборамъ и т. д. Существуютъ и другія подобныя ограниченія, поддерживаемыя буржуазными классами въ цѣляхъ хоть сколько нибудь урѣзать народовластіе. Въ дѣйствительно демократическомъ строѣ, къ которому стремятся всѣ рабочія партіи, принципъ всеобщности при выборахъ долженъ быть проведенъ до конца. Всякій гражданинъ или гражданка, достигшія совершеннолѣтія, безъ различія пола, національности, религіи имущественнаго состоянія, служебнаго положенія мѣстожительства и т. д., должны имѣть право участія въ Государственной жизни страны, право избирать своихъ депутатовъ въ законодательное собраніе. Всякое, хотя бы на первый взглядъ ничтожное уклоненіе отъ принципа всеобщности голосованія ведетъ къ лишенію тысячи гражданъ, особенно изъ бѣдныхъ классовъ населенія, ихъ политическихъ правъ.

Въ существующихъ теперь республикахъ такъ же, какъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ, рядомъ съ палатой народныхъ представителей, выбранныхъ всеобщей, прямой, равной подачей голосовъ, бур-

жуазіи удалось посадить и вторую палату (иначе называемую сенатомъ), состоящую главнымъ образомъ изъ имущихъ классовъ. Такъ, во Франціи сенаторъ выбирается не народомъ, а особыми окружными коммисіями, въ которыя входятъ депутаты этого округа, въ парламентъ, представители городскихъ и другихъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. А такъ какъ большинство послѣднихъ состоитъ изъ мѣстныхъ старожиловъ изъ имущихъ классовъ, то понятно, что сенатъ въ сравненіи съ палатой депутатовъ, выбранныхъ непосредственно народомъ, является учрежденіемъ, представляющимъ интересы только имущихъ. Вторыя палаты вообще вездѣ служатъ тормазомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда палата народныхъ представителей подъ давленіемъ демократическихъ элементовъ приступаетъ къ какимъ нибудь рѣшительнымъ нововведеніямъ. Существованіе второй палаты въ демократической республикѣ совершенно безсмысленно, и противъ нее рѣшительно борются всѣ истинные сторонники народовластія. Парламентъ долженъ состоять изъ одной палаты и имѣть въ своихъ рукахъ всю власть.

Право предлагать проекты законовъ или желательныя измѣненія въ уже существующихъ законахъ принадлежитъ при такой формѣ государственнаго устройства какъ гражданамъ, такъ и депутатамъ законодательнаго собранія. Всякій такой проектъ обсуждается въ парламентѣ и если за него высказывается большинство, то онъ становится закономъ. Опубликовываетъ ихъ президентъ въ опредѣленный срокъ, причемъ ему принадлежитъ право предложить парламенту ввести тѣ или иныя поправки, но ни въ коемъ случаѣ не утверждать или утверждать

принятый законъ. Если парламентъ отвергнетъ поправки президента, послѣдній обязанъ въ опредѣленный конституціей срокъ опубликовать законъ. Такимъ образомъ, въ противовѣсъ абсолютнымъ монархіямъ, гдѣ вся законодательная власть находится въ рукахъ монарховъ, въ республикѣ она находится въ рукахъ народныхъ представителей. Парламентъ не только издаетъ законы, но также слѣдитъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Исполнительнымъ органомъ является кабинетъ министровъ, составленный президентомъ изъ числа депутатовъ парламента. Министерство это отвѣтственно передъ народными представителями за каждый свой шагъ и должно дать объясненіе во всѣхъ дѣлахъ, по какимъ будетъ произведенъ запросъ со стороны депутатовъ. При первомъ же столкновеніи съ большинствомъ парламента оно должно выйти въ отставку. Не имѣя за собой этого большинства, министерство не можетъ продержаться у власти ни одного дня. Конечно, министръ отвѣчаетъ не только за свои поступки, но также за поступки всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Тутъ уже не можетъ быть такого безнаказаннаго самовластія чиновниковъ, какое мы замѣчаемъ при абсолютизмѣ; широкая гласность сейчасъ же раскроетъ всѣ подобныя проступки, телеграфъ моментально оповѣститъ объ этомъ парламентъ, заинтересованные депутаты сейчасъ потребуютъ объясненія у соотвѣтствующаго министра и попранное право народа будетъ возстановлено. Понятно, что при такой организаціи исполнительной власти не можетъ быть и рѣчи объ изданіи какихъ бы то ни было циркуляровъ отмѣняющихъ или даже дополняющихъ законъ со стороны министровъ или другихъ высшихъ чиновниковъ. Кабинетъ мини-

стровъ долженъ управлять согласно воли народныхъ представителей.

Судъ при этомъ также находится въ рукахъ народа. Выборные судьи, судъ присяжныхъ, наконецъ, верховный судъ изъ народныхъ представителей — такова организацiя правосудiя при республиканской формѣ правленiя. Всѣ равны передъ закономъ; нѣтъ и не можетъ быть отдѣльнаго суда для крестьянъ, отдѣльнаго для имущихъ классовъ и отдѣльнаго для чиновниковъ. Долженъ существовать единый судъ, совершенно независимый отъ администрацiи и тѣсно связанный съ народомъ. Такой судъ можетъ быть осуществленъ только при такомъ строѣ, гдѣ нѣтъ власти, не отъ народа исходящей.

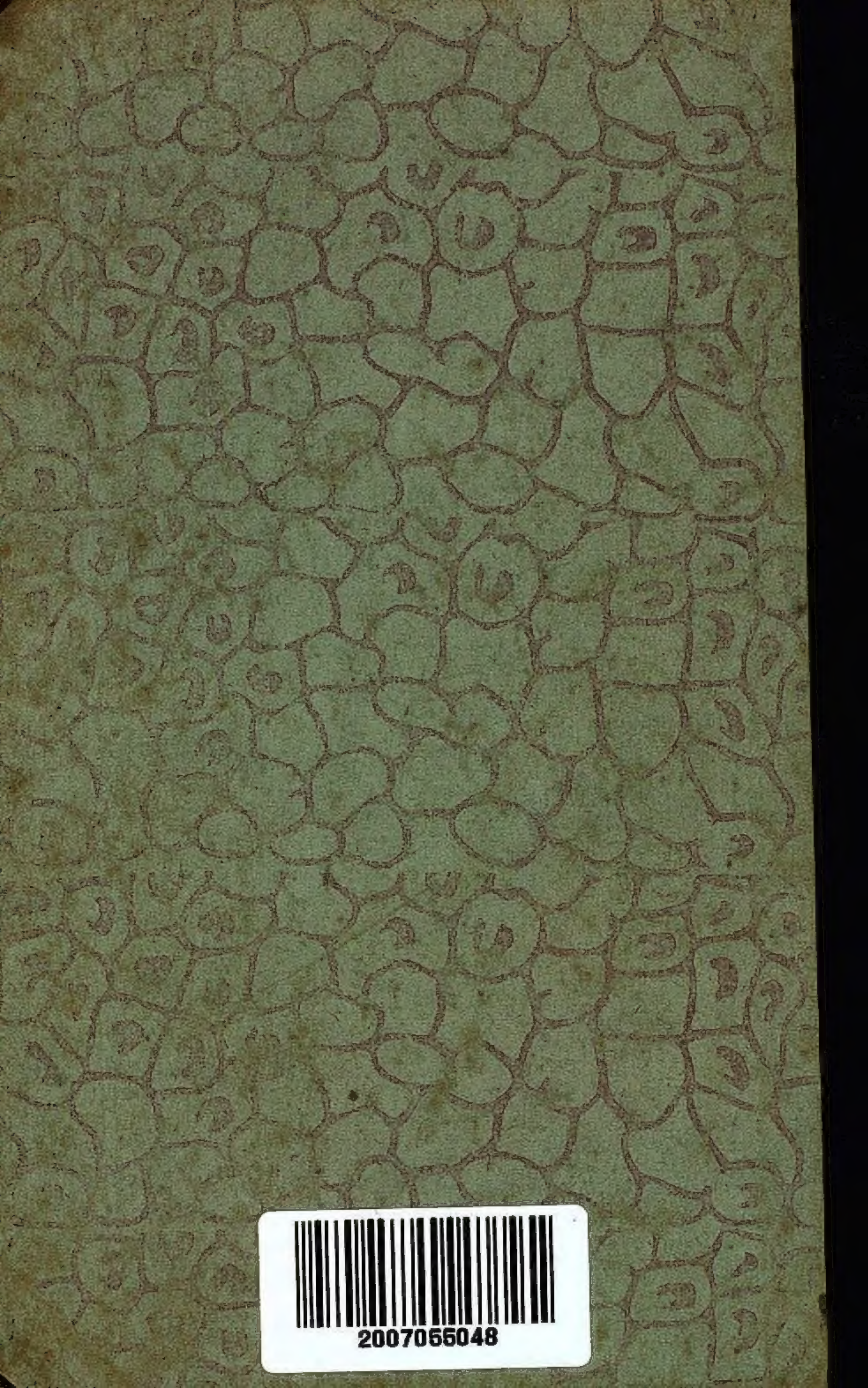
Разсматриваемая форма государственнаго строя гарантируетъ населенiе вмѣстѣ съ политическими правами всѣ виды гражданскихъ свободъ. Онъ признаетъ полную свободу собранiй и союзовъ, свободу печати и устнаго слова, свободу стачекъ, неприкосновенность личности, свободу передвиженiя, свободу совѣсти, равенство всѣхъ передъ закономъ, обязательное безплатное обученiе и т. д. и т. д. Онъ широко раскрываетъ народу рамки для свободной борьбы за лучшее будущее. Въ чьихъ интересахъ такой политическiй строй?

Онъ въ интересахъ всего народа, такъ какъ дѣлаетъ его полнымъ хозяиномъ страны, даетъ ему право самому рѣшать свою судьбу. Онъ въ интересахъ пролетарiата, городской и деревенской бѣдноты, такъ какъ даетъ имъ полную возможность организоваться и свободно вести борьбу за лучшее будущее. Онъ даетъ имъ могучее орудiе въ руки для защиты своихъ классовыхъ интересовъ — это орудiе — политическая власть. Онъ допускаетъ сво-

бодную борьбу за власть, и тамъ, гдѣ рабочій классъ добился такой формы правленія, онъ свободно пользуется имъ для окончательнаго завоеванія этой власти съ цѣлью переустройства всего общества на началахъ дѣйствительнаго равенства и свободы, для достиженія коллективизма. Боятся его только тѣ, кто заинтересованъ въ безправномъ положеніи народа, въ уменьшеніи его власти въ государствѣ. Къ числу таковыхъ, конечно, не принадлежитъ рабочій классъ.

Н. Радинъ.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 26 Сентября 1905 года.


2007055048